

3. Хартия защиты личных сведений в Интернет. (Принципы защиты прав пользователя информационных ресурсов сети Интернет). Проект Регионального Общественного Центра Интернет Технологий (РОЦИТ) России // www.rocit.ru/public/index.php3?Path=hartiya1.

4. Конвенція Ради Європи “Про захист прав людини та основних свобод” (Рим, 04.XI.1950 р.) та Протокол № 11 // Голос України. – 2001. – № 3 (2503). – С. 6–8.

5. Лессиг Л. Свободная культура/Пер. с англ. — М.: Прагматика Культуры, 2007. — 272 с.

6. Гаврилов В.В. Курс правовой информатики. Учебник для вузов. — М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА•М), 2000. — 432с.

7. Брижко В.М. Правовий механізм захисту персональних даних: Монографія / За заг. ред. д.е.н., професора, заслуженого діяча науки і техніки України М.Я. Швеця та д.ю.н., професора Р.А. Калюжного. — К.: Парламентське видавництво, 2003. — 120 с.

УДК 821

РОЛЬ ПАРАДИГМЫ *WOMAN-MARRIAGE-FAMILY* В РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА *ENGLISHNESS* (РОМАН ДЖ. ГОЛСУОРСИ «ОСТРОВ ФАРИСЕЕВ»)

Голубицкая К.Е.

Теличко Т.Г.

Englishness, как один из центральных концептов английской культуры, неизменно привлекает внимание и филологов, и философов, и психологов. Не случайно сейчас эта проблема все больше занимает самих англичан. Достаточно упомянуть такие исследования последних лет, как «*Englishness and National culture*» А. Easthope [1], «*Englishness Identified: Manners and Character*» Р.Langford [2], «*The English: How the Nation Sees Itself*» А. Briggs [3], «*Identity of England*» R. Colls [4]. Проблема английской национальной идентичности активно обсуждается и в отечественной англистике (работы В.Шестакова «Английский акцент: английское искусство и национальный характер» [5], М. Цветковой «Концепт «*Englishness*»: основные константы» [6], К. Атаровой «Англия, моя Англия» [7]).

Актуальность выбранной темы исследования объясняется тем фактом, что на нынешнем рубеже веков проблемы самоидентификации личности в целом, и национальной идентичности в частности, вновь выступают на передний план.

В данной статье мы хотели бы сконцентрировать наше внимание на одной составляющей концепта *Englishness* – парадигме *woman-marriage-family*, которая тесно связана с чуть ли не главной для англичан категорией *home*. Дом, как известно, находится в центре любой национальной картины мира, непосредственно выражает специфику национальной идентичности и

напрямую связан с национальной историей. Модель идеального английского дома окончательно формируется в Викторианскую эпоху, которая зачастую определяется как важнейший период в истории английских нравов. Викторианство – явление сложное, неоднозначное и для исследования английскости представляет несомненную значимость. Предпринятый в статье анализ парадигмы *woman-marriage-family* осуществлен нами на материале романа Дж. Голсуорси «Остров фарисеев» (*The Island Pharisees, 1904*). Конец XIX - начало XX веков вошел в историю английской литературы под знаком отрицания викторианских ценностей, что для нашего исследования не менее значимо, чем утверждение викторианских ценностей. Антивикторианский бунт, разразившийся на рубеже веков, ниспровергает все догмы и основные столпы, на которых зиждилось мировоззрение и психология викторианства: дом, церковь, религию, собственность и т.д. Характерный для рубежа веков разрыв с традицией принимает в Англии очень болезненную форму, недаром Англия считается самой консервативной страной в мире.

Творчество Дж. Голсуорси (1867-1933), и главным образом, ранние работы писателя, отмечены критическим осмыслением английского национального характера. В романе «Остров фарисеев» явную и открытую сатирическую направленность имеет уже само заглавие романа, которым автор дает критическую оценку присущей английскому национальному характеру замкнутости и, более того, говорит о том, что Англия – это не только отделенный Ла-Маншем от Европы и всего мира остров, это остров фарисеев, лицемеров, ханжей.

К раскрытию квинтэссенции английского национального, к выявлению «английской» сути Голсуорси в этом романе идет через реализацию тем семьи и брака.

Семья – главная ценность викторианского уклада. Традиционно женщина расценивалась как хранитель семейного очага, в чем и усматривалась ее главная и едва ли не единственная функция. Л. Алябьева в статье с говорящим названием «Как воспитать «организатора совершенного дома и будущую мать крепких и красивых детей» отмечает: «Четкое разграничение гендерных ролей было канонизировано в многочисленных учебниках по этикету того времени, согласно которым мужчина «принадлежит обществу и заботится вне дома о делах своих и своего семейства», а женщина «живет для домашнего быта», в связи с чем центральным и определяющим событием в жизни каждой женщины является рождение и воспитание детей» [8, с. 116].

Gervase Markham так говорит об английской женщине: «Our English housewife must be of chaste thought, stout courage, patient, untired, watchful, diligent, witty, pleasant, constant in friendship, full of good neighbourhood, wise in discourse...» (цит. по:[9, с. 56]). Целомудренная, смелая, спокойная, осторожная, прилежная, остроумная, верная, с хорошим кругом общения и притом мудрая в беседе женщина. Нельзя не согласиться с мыслью J.B. Priestley, который утверждает, что очень немногие из женщин могут

соответствовать этому «masculine dream of femininity» [9, с. 56].

Главный герой романа «Остров фарисеев» Ричард Шелтон возвращается из странствия в Лондон, где он собирается жениться на Антонии Деннант, которая в романе является воплощением типично викторианской женщины. Переворот в мировоззрении, произошедший у главного героя за время его странствий и, в особенности, после его знакомства с французским бродягой-философом Ферраном, заставляет Шелтона посмотреть на уклад жизни в Англии по-новому. В первую очередь это касается восприятия женщины обществом. Центральная ситуация в романе – Шелтон собирается создать семью – способствует развенчанию викторианских штампов и стереотипов.

Не случайно, как нам кажется, в качестве оппозиции Англии выбрана Франция. Как отмечает Dr. Emil Reich, «the English man was as superior to the English woman as the French woman was superior to the French man» (цит. по:[10, с. 278]). Французский опыт делает героя более чутким и зорким. Именно восприятие роли и места женщины в обществе становится лакмусовой бумажкой эволюции героя, поскольку отношение к женщине как нельзя лучше отражает двойную мораль викторианского общества. Представления о женщине, сводящиеся к двум типам: женщина-святая (добропорядочная мать, жена) и женщина падшая, которая не достойна даже сострадания, вызывает у Шелтона возмущение. Случайно встретив одну из тех женщин, «которых мужчины обрекли служить им забавой», Шелтон размышляет: «One or other of us, we make these women what they are. And when we've maid them, we can't do without them, we don't want to; but we give them no proper homes so that they are reduced to prowl about the streets, and then we run them in. Ha! that's good – that's excellent! We run them in! And here we sit and carp. But what do we do? Nothing! Our system is the most highly moral known. We get the benefit without soiling even the hem of our phylacteries – the women are the only ones that suffer. And why wouldn't they – inferior things?» [11, с. 202]. (*«Тот или иной из нас, но ведь мы виноваты в том, что эти женщины ведут такую жизнь. А толкнув их на это, мы не можем обойтись без них – не только не можем, но и не хотим, и вместе с тем мы преследуем их с помощью закона и гоним их на улицу, а потом... мы хватаем их и бросаем в тюрьму. Ха! Прекрасно... великолепно! Хватаем их и бросаем в тюрьму! А сами сидим и возмущаемся. Но что же мы делаем? Ничего! Наша система – самая высокоморальная из всех существующих в мире систем. Мы пользуемся всеми ее выгодами, не запачкав даже края своей одежды, — страдают только женщины. Да и почему бы им не пострадать? Ведь женщина – низшее существо!»*) [12, с. 145]). Шелтон осознает, что ответственность за женщин несет общество, а значит мужчины. Дж. Голсуорси развенчивает викторианские штампы через зарождающееся в Шелтоне сочувствие к женщинам, как к бесправным существам, что как бы «ослабляет» его английскость, поднимает его над национальным, приближая к человеческому. Шелтон проникается сочувствием к женщинам, к которым мужчины относятся как к своей собственности: «I can't understand any man

wanting to live with a woman who doesn't want him» («*Не понимаю мужчину, который требует, чтобы женщина жила с ним, когда она этого не хочет*»). На что Хэлидом, знакомый Шелтона, ему отвечает: «There's a lot of nonsense talked about that sort of thing. Women don't really care; it's only what's put into their heads» [11, с. 57] («*По этому поводу говорится много всякого вздора. А на самом деле женщинам все равно, просто они наслушались всякой чепухи*» [12, с. 40]). «So», he (Шелтон – К.Е.) reflected, «It's right for every reason, social, religious, and convenient to inflict one's society where it's not desired. There are obviously advantages about the married state, charming to feel respectable while you are acting in a way that in any other walk of life would be on your contempt» [11, с. 63]. («*Итак, значит, – размышлял он – со всех точек зрения – и с социальной, и с религиозной, и с житейской – позволительно навязывать свое общество тем, кому оно противно. Да, в браке есть несомненные преимущества: приятно чувствовать себя уважаемым человеком, хоть ты и поступаешь так, что, будь это не жена, а кто-нибудь другой, тебя бы стали презирать за такие поступки*» [12, с. 44]).

Брак воспринимается англичанами как необходимый атрибут существования в социуме, он превращен в культ, при котором чувства не учитываются, сочувствие не имеет никакого значения, а ценится только установленный порядок, принятые кем-то правила. Характерен эпизод в вечернем клубе, в который принимают всех, «лишь бы человек ничем не был скомпрометирован. Распорядитель говорит Шелтону, что они «взяли себе за правило не поощрять греха»: «I was obliged to refuse a man to-day – a man and a woman, quite young people, with three small children. He was ill and out of work, but on the inquiry we found that **they were not man and wife**» [11, с. 139-140]. («*Как раз сегодня я вынужден был отказать одному мужчине – мужчине и женщине, совсем молодой паре с тремя малыши детьми. Он болен и сейчас без работы, но видите ли, когда мы навели справки, выяснилось, что **они не состоят в браке***» [12, с. 99]). Условности, названные обществом моралью, управляют судьбами людей, насаждают образ мыслей и мнения, единственно правильные по викторианским убеждениям, и диктуют викторианские «идеалы». Все, что не соответствует идеальным викторианским представлениям, либо игнорируется, либо клеймится в обществе, в котором живет Шелтон.

В разговоре героя с приходским священником, последний говорит, что идеи Шелтона по поводу проблем брака и семьи порождают у женщин легкомысленное отношение к семейной жизни, на что Шелтон болезненно реагирует: «And the women he was wont to see dragging about the streets of London with two or three small children, women bent beneath the weight of babies that they could not leave, women going to work with babies still unborn, anaemic-looking women, impecunious mothers in his own class, with twelve or fourteen children, **all the victims of the sanctity of marriage**, and again the word 'lax' seemed to be ridiculous» [11, с. 178]. («*И те женщины, которых он видел на улицах Лондона, – женщины, еле бредущие с двумя или тремя детьми, женщины, согнувшиеся под тяжестью детей, которых им не с кем*

оставить, женщины, которые продолжают работать, несмотря на беременность, истощенные женщины, необеспеченные женщины его собственного класса с дюжиной детей – все эти жертвы святости брака, – разве к ним применим эпитет «легкомысленные»!» [12, с. 127]. Представление о женщине как жертве брака снимает ореол святости с викторианского брака, который зачастую низводится до уровня купли-продажи.

Сравнение брака со сделкой вводит важную для поэтики Голсуорси категорию собственности, которая становится для него выражением квинтэссенции национального характера англичан. Д.Г. Жантиева, анализируя творчество писателя, отмечает характерный для викторинских семейных отношений «собственнический принцип, маскируемый лицемерными рассуждениями о святости брака» [13, с. 262].

Шелтон, оформляя брачный контракт, не может избавиться от ощущения, что оформляет «сделку с покупкой жены» [12, с. 51]. (*the purchase of his wife*) [11, с. 72]. Протестуя, Шелтон испытывает порыв сохранить независимость Антонии после их свадьбы: «For one mad moment he was attacked by the desire to ‘throw in’ the case of divorce. Would it not be common chivalry to make her independent, able to change her affections if she wished, unhampered by monetary troubles?» [11, с. 71-72]. («На мгновение у него мелькнула безумная мысль: предусмотреть в брачном контракте возможность развода. Ведь сделать женщину независимой, предоставить ей свободу полюбить другого, не терзаясь мыслью о денежных затруднениях, – разве это не долг всякого благородного мужчины?» [12, с. 51]).

Автор разоблачает фарисеев, для которых семья не столько святой очаг, место, где он может укрыться от любых невзгод, сколько пустое обязательство, формальность, пренебрежение которой неизбежно приведет к порицанию со стороны общества. Уже на первых страницах звучат слова Феррана как обвинение викторианской морали в беспощадности и лицемерии: «... you evidently have not yet had occasion to know what the ‘family’ s like. The family does not like damaged goods, it will have nothing to say to sons whose hands have dipped into the till or daughters no longer be married» [11, с. 21]. («... вы, видимо, до сих пор не имели случая узнать, что такое семья. Семья не любит подпорченного товара: у нее не найдется доброго слова для сына, который запустил руку в кассу, или для дочери, которую нельзя уже выдать замуж» [12, с. 14-15]).

Шелтон, который в начале книги еще очень наивен, с ужасом созерцает бездуховные, безжизненные супружеские отношения своих знакомых: «Это было все равно, что стучать в дверь, которую никогда не откроют, – наблюдать за людьми своего круга, где все супружеские пары похожи друг на друга, как близнецы. Они ни на сантиметр не сдвигали завесы, окутывавшей их души. Все они утонули в море окружающей их обстановки». Результат диктата общественной морали – обезличенность, потеря

индивидуальности, свободы самовыражения. По словам В. Шестакова, англичане – «истинные образцы конформизма – нет больше греха, чем делать то, что не принято» [5, с. 15]. Более того, закрытым по своей сути, англичанам не свойственно демонстрировать свои чувства и переживания. Истинное прочно скрыто за хорошо выученной и отработанной общественной ролью: «They seem the ideal young married people – don't quarrel, have perfect health, agree with everybody, go to church, have children – but I should like to hear what is beautiful in their life,» and he grimaced. «It seems to me so ugly that I can only gasp. I would much rather they ill-treated each other, just to show they had the corner of a soul between them» [11, с. 276]. (*«Они производят впечатление идеальной молодой пары – никогда не ссорятся, всегда хорошо себя чувствуют, живут со всеми в согласии, ходят в церковь, рожают детей... но скажите, есть ли в их жизни хоть какая-то красота? – он поморщился. – Их совместная жизнь кажется мне настолько уродливой, что, глядя на них, я начинаю задыхаться. По-моему, уж лучше бы они дурно обращались друг с другом, по крайней мере видно было бы, что в них есть хоть что-то живое»* [12, с. 200]). И тут же Шелтон делает вывод: «Если это называется браком, то Dieu m'en garde!» (Упаси меня Бог! (фр.)). Шелтона не устраивают такие «неживые», застывшие отношения, ведь он – человек чувствующий, герой с преобладанием эмоционально начала.

К концу романа уже «не вполне англичанин» Шелтон, несмотря на свои чувства, отказывается от Антонии, которая становится для него воплощением самой Англии. Он понимает, что Антонии никогда не преодолеть в себе «диктата» английскости, а ему не вернуться к прежнему Шелтону. Осознав, что Антония никогда не решится расторгнуть помолвку из страха вызвать осуждение в обществе, он освобождает ее от обязательств и, тем самым, закрепляет в себе победу человека над англичанином и собственником.

Таким образом, выстроенная в романе парадигма *woman-marriage-family* способствует обнажению сути английскости, связанной для Голсуорси с фарисейством и чувством собственничества. Духовная эволюция в художественном мире писателя возможна лишь при условии преодоления в себе национальной ограниченности.

Попытка прочтения романа Дж.Голсуорси «Остров фарисеев» в контексте проблемы национальной идентичности кажется довольно перспективной, способствующей не только более глубокому изучению творчества писателя, но и расширению представления о проблемно-тематическом многообразии литературы Англии к. XIX – н. XX вв. Исследование актуальной для литературы рубежа веков проблемы «своего» и «чужого» может быть усилено за счет включения произведений других писателей (к примеру, Э.М.Форстера), для которых проблема национальной идентичности становится одной из магистральных проблем творчества.

Литература

1. Easthope A. Englishness and National Culture. – London and New York: Routledge, 1999. – 243p.
2. Langford P. Englishness Identified: Manners and Character, 1650-1850. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 389p.
3. Briggs A. The English: How the Nation Sees Itself // Literature in the Modern World. Critical Essays and Documents. Edited by Dennis Walder. – Oxford, 1990. – P. 189-196.
4. Colls R. Identity of England. – Oxford: University Press, 2004. – 409p.
5. Шестаков В. Английский акцент: Английское искусство и национальный характер. – М.: Российский государств. гуманитарный университет, 2000. – 184с.
6. Цветкова М.В. Концепт «Englishness»: основные константы// Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада: Материал научной конференции: В 2-х тт. – Т.2. – Воронеж: ЦИКИ, 2000. – С. 87-93.
7. Атарова К. Англия, моя Англия. Эссе и переводы. Сборник. – М.: ОАО Изд-во «Радуга», 2006. – 408 с.
8. Алябьева Л. Как воспитать «организатора и будущую мать крепких и красивых детей»: дискуссии о женщине и спорте в викторианской Англии// Новое литературное обозрение. – №70. – 6'2004. – С. 94-128.
9. J.V. Priestley. The English // Английский национальный характер: учеб. пособие / М.М. Филиппова. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – С. 34-86.
10. R.N. Bradley. Racial Origins of English Character // Английский национальный характер: учеб. пособие / М.М. Филиппова. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – С. 267-292.
11. Голсуорси Дж. Книга для чтения на английском языке. – СПб.: КАРО, 2007. – 384с.
12. Голсуорси Дж. Остров фарисеев. – М.: ЭКСМО, 2007. – 605 с.
13. Жантиева Д.Г. Голсуорси//История английской литературы. – М.: Академия наук союза ССР, 1958. – С. 557-607

УДК 821.111 – 31.09

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЭТИЧЕСКОГО И ЭСТЕТИЧЕСКОГО В РОМАНЕ У.С. МОЭМА «ЛУНА И ГРОШ»

Романова А.А.

Теличко Т.Г.

Проблемы этики и эстетики, искусства и жизни, активно обсуждаемые в европейской литературе к.ХІХ – н.ХХ вв., не утратили своей актуальности и для современного общества, которое хронологически, исторически и культурологически связано с рубежом ХХ-ХХІ вв. Любой «пограничный»